

и о том, что традиции, заложенные А. П. Чапыгиным и В. Я. Шишковым (к последнему И. был особенно неравнодушен), сохраняют свою живительную силу. И. участвовал в написании сценария 5-серийного телевизионного фильма (и 2-серийного киноварианта) «Ермак» (1997, реж. Валерий Усков и Владимир Краснопольский). Проза И., отличающаяся остроконфликтностью и «заселенностью» яркими, сложными характерами, драматична по своей основе. Не случайно мн. из соч. писателя получили сценическую и экранную жизнь. Телевидение дало возможность миллионам людей познакомиться с главными книгами И. Примечательно, что И. сам принимал участие в подготовке сценариев для экранизации собственных произведений (а иногда и в утверждении на роли главных героев). В качестве соавтора он в 1978 участвовал в экранизации романа Г. М. Маркова «Отец и сын». За эту работу И. был отмечен в 1980 премией Ленинского комсомола. Перу И. принадлежат также героическая драма «**Баллада о пылающем факеле**» (1968) и пьеса «**Женихи и невесты**» (1984, опубликована в 1994). В книге «**Живая красота творчества**» (1985) И. предстает темпераментным публицистом, обеспокоенным судьбой Отечества и духовным здоровьем нации: здесь помещены мн. выступления И. по вопросам лит-ры и искусства; весьма любопытны и суждения на тему «Лит-ра и телевидение» (прежде всего по поводу создания многосерийных телевизионных фильмов). В очерках и статьях, посвященных таким писателям, как А. Н. Толстой, Л. М. Леонов, В. Я. Шишков, Е. Н. Пермитин, Г. М. Марков, М. Н. Алексеев, И. Ф. Стаднюк, К. Ф. Седых, М. А. Стельмах, Н. Т. Сизов и др., И. демонстрирует свойственный ему дар критика. Среди мастеров слова XX в. И. особо выделяет М. А. Шолохова, которого он считал своим лит. учителем и которому он посвятил повесть «Жизнь на грешной земле». В 1994 И. стал лауреатом премии им. М. А. Шолохова.

Произведения И. не раз оказывались в центре острых полемик; писателя обвиняли в «консерватизме», «национализме» и т. п. Независимо от критических ниспровержений, произведения И. продолжают пользоваться большим читательским спросом. Общий тираж книг И. превышает 30 млн экз. Они переведены на все европейские яз.

И. перевел на русский яз. роман болгарского писателя Слава Христова Караславова «Восставшие из пепла» (1984). И.— Герой Социалистического труда (1984), награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции,

Трудового Красного Знамени и орденом Кирилла и Мефодия 1-й степени (НРБ). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Соч.: СС: в 5 т. М., 1979–81; То же. М., 1996; Избранные произведения: в 2 т. 2-е изд. М., 1975; Повесть о несбывшейся любви: повести // Роман-газ. М. 1984. № 2 (984); Черный хлеб искусства: Диалог писателя Анатолия Иванова и критика Валентина Свининникова // Наш современник. 1988. № 5. С. 171–179; Ермак // Роман-газ. М. 1993. № 11–12 (1209–1210); «Молодой гвардии» — 75 лет! // Молодая гвардия. 1997. № 5. С. 3–5; Автобиография // Писатели России: Автобиографии современников. М., 1998. С. 218–220; Повитель: роман. Повести. М., 1999.

Лит.: Макаров А. Н. Серьезная жизнь. М., 1962. С. 177–207; Яновский Н. Н. Художник и время. Новосибирск, 1962. С. 3–22; Мостков Ю. М. Анатолий Иванов. Новосибирск, 1969; Лобанов М. П. Характер // Волга. 1972. № 10. С. 178–186; Лобанов М. П. На передовой: Опыт духовной автобиографии // Наш современник. 2002. № 3. С. 97–112. Гл. IV: Весна и осень «Молодой гвардии»; Жуков Д. А. Тень и свет: О творчестве А. Иванова // Наш современник. 1978. № 5. С. 157–165; Синельников М. Х. Восхождение к трудному // Знамя. 1978. № 5. С. 221–225; Леонов Б. А. Зов жизни: Очерк творчества Анатолия Иванова. М., 1979; Овчаренко А. И. XX век в изображении Анатолия Иванова // Волга. 1979. № 5. С. 162–178; Алухтина В. А. Жизнь как деяние: Человек и история в прозе А. Иванова // Октябрь. 1984. № 8. С. 197–200; Горбачев В. В. Заветное слово: О народности лит-ры. М., 1986. С. 91–129; Еремина И. Ф. Максим Горький и Анатолий Иванов (К проблеме героя) // Творчество М. Горького в худож. системе социалистического реализма: Сб. статей. Горький, 1986. С. 118–123; Шагалов А. А. Уроки ответственности: Подвиг как исполненный долг в совр. прозе о Великой Отечественной войне. М., 1986. С. 150–178; Иванова Н. Б. Точка зрения: О прозе последних лет. М., 1988. С. 46–49; Викулов С. В. Противостояние // Молодая гвардия. 1997. № 5. С. 230–251; Игошев А. А. Покой нам только снится: Воспоминания с пристрастием // Там же. С. 252–272; Уханов И. С. Плата за страх: Документальное повествование // Там же. № 2–5; Леонов Б. А. Вспоминая Анатолия Иванова // Лит. газ. 2003. № 18. 14–20 мая. С. 8.

П. В. Бекедин

ИВАНОВ Всеволод Вячеславович [12(24).2. 1895, пос. Лебяжье Павлодарского у. Семипалатинской губ.— 15.8.1963, Москва] — прозаик, драматург.

Родился в семье сельского учителя. Окончив начальную школу, поступил в сельскохозяйственное училище, но вскоре бросил занятия, оставил отчий дом и отправился странствовать по Сибири, Зауралью и далее — за Семипалатинск, к Дальнему Востоку и Мон-

Вс. Вяч. Иванов

голии. В поисках средств к существованию переменял много профессий. Был типографским наборщиком, грузчиком, матросом, шарманщиком, актерствовал в ярмарочных балаганах, выступал в цирке факиром, даже борцом. Рано почувствовал интерес к общественной жизни, хотя политические убеждения юноши не отличались большой самостоятельностью. Еще накануне Февральской революции, находясь в Кургане, он записался сразу в две партии — эсеров и эсдеков, но позже, переехав в Омск, под влиянием «работников печатного дела Западной Сибири» примкнул к большевикам. Октябрьскую революцию встретил с восторгом, «глубоко и торжественно» поверив в то, что отныне «справедливость восторжествовала навсегда» (СС. Т. 1. С. 21). С началом Гражданской войны вступил в Красную гвардию, воевал против Колчака, партизанил.

К лит. творчеству обратился еще в период скитаний по городам и весям. С 1914 стал печатать в сибирской периодике рассказы, один из которых — «По Иртышу» (газ. «Степная речь») — был замечен М. Горьким и взят в редактируемый им «Сб. пролетарских писателей» (1916). И. пытается создать в Омске сибирскую лит. газ. «Согры», печатает статьи на злободневные темы («В зареве пожара», «Книга свободы»), пишет небольшие пьесы для местного драматического театра («Черный занавес», «Шаман Апо»). Из рассказов 1914–18 отбирает 8 лучших («Рогульки», «Купоросный Фе-

дот», «Джут», «Три копейки», «Шантрапа», «Клуа-Лао», «Духмяные степи») для своей книжки «Рогульки» (1919), которую в нескольких десятках экземпляров печатает в походной типографии омской газ. «Вперед». Со временем И. разочаруется как в этих, так и в некоторых других ранних своих писаниях, не станет включать их в новые сб., в СС. При всех худож. несовершенствах «Рогульки» были значительны уже тем, что по-своему предвосхищали будущие особенности ивановского творчества. Фактически с них начинали свой путь по страницам произведений писателя герои особого типа — правдоискатели и романтики. Там же проступали и характерные черты формирующейся манеры автора. По воспоминаниям К. Федина (который был едва ли не первым читателем книжки), рассказы удивили и восхитили тем, что «изображали словно впервые открытую далекую и как будто фантастическую страну, хотя описываемые люди и детали были чрезвычайно реальны». И в этом удивительном сочетании «фантастики» с «реальностью» он пронизательно заметил особенность, которая затем «ошеломляюще пышно» проявилась у писателя в его «повестях и рассказах, получивших известность» (Федин К. А. СС: в 9 т. М., 1962. Т. 9. С. 187). В 1921 И. отправляется в Петроград, чтобы «серьезно заняться самообразованием»; он близко сходит с М. Горьким, становится членом объединения «Серапионовы братья». Наступает пора интенсивной лит. работы. И. печатается в «Петроградской правде», в центральных ж. «Грядущее», «Красная новь». Одна за другой выходят его книги. В рассказах сб. «Седьмой берег» (1922) действие, как и ранее, разворачивается на далеких окраинах России, в Уссурийской тайге, в приалтайских степях, вблизи гор Кореи, у Японского моря, среди персонажей — не только русские, но и киргизы, корейцы, монголы. Это — все те же «дети природы», землепашцы, охотники, рыбаки, в жизнь которых вдруг вошла революция, нарушив ее обычное течение и смутив сердца «земляных людей» неизъяснимой мечтой о справедливости и доброте. Но появляется в рассказах и нечто новое: И. раньше других советских прозаиков начинает изображать внутренний мир участников революции, стараясь найти объяснение как величия, так и трагизма грандиозного исторического переворота. Заметным лит. событием становится рассказ «Дитё» (1921), сразу завоевавший громкую известность и у себя в стране, и за рубежом. Это своеобразная притча о человеке и революции, ино-

сказательный смысл которой и актуален, и значителен. Здесь над беспомощным младенцем, которого партизаны нашли возле убитых ими «беляков», угрожающе нависла, кажется, вся громада проблем Гражданской войны. И. показывает жестокосердие людей, которые из-за войны стали «злобны, как волки весной».

Вопреки жестокости обстоятельств крохотное человеческое существо у И. не погибает. Его спасает высокое чувство милосердия и справедливости, которое прорастает в душах партизан сквозь ненависть и злобу. «Дите ни при чем», — решают они, сделав почти невозможное: они преодолевают классовую беспощадность. Но, спасая «свое» дитя, партизаны заставляют монгольскую женщину кормить его грудью, тем самым губят «чужое», монгольское дитя, которое лишается материнского молока. Поведенная история говорила о бесконечной сложности человеческой личности революционного времени, об опасной зависимости добра и зла от социальных, классовых, национальных предрасположений, их переменчивости и текучести. Наряду с рассказами пишет И. и первые повести о партизанском движении среди сибирских крестьян: «**Партизаны**» (1921), «**Цветные ветра**», «**Бронепоезд 14–69**» (обе — 1922). Позже этот «триптих» составит отдельную книгу «**Сопки: Партизанские повести**» (1923). Публикация повестей превращает вчера еще мало кому известного лит. «дебютанта» в одного из самых видных писателей современности. Авторитетная критика относит его к числу «первых свежих и крепких ростков послеоктябрьской советской культуры в области художественного слова» (Воронский А. Лит. силуэты: Иванов // Красная новь. 1922. № 5(9). С. 255). В «партизанских повестях» автора волнует прежде всего конкретно-чувственная сторона бытия, живую плоть которого он рисует без устали и упоенно. Худож. мир повестей романтически возвышен над прозой быта. В нем все светозарно, ярко, необычайно. Стиль произведений словно бы настоян на выразительных символах народного творчества, на певучих интонациях разговорного яз., в пафосных местах этот яз. поэтичен, близок стихотворному. Природные краски, запахи, звуки широко используются для метафорического изображения персонажей, а природа, в свою очередь, насквозь антропоморфична, одухотворена. Приемы «орнаментальной прозы», «сказа» по-своему усиливают впечатление достоверной жизненности содержания, а частые лирические отступления сообщают ему

почти метафизический смысл. И. смотрел на Октябрьскую революцию как на естественный жизненный процесс, связанный с исторически обусловленным и оправданным порывом обездоленных людей к лучшей, достойной жизни. Им, в большинстве жителей сибирской глухомани, трудно постичь отвлеченную суть революционных сражений: «Мозги, не привыкшие к сторонней, не связанной с хозяйством мысли, слушались плохо, и каждая мысль вытаскивалась наружу с болью, с мясом изнутри, как вытаскивают крючок из глотки попавшей рыбы» (С. Т. 1. С. 96). Однако «земляным», крестьянским «нутром» они ощущают нетерпимость бесправного существования и «бунтуются» в надежде жить «вровень со всеми», «хорошо», «по-справедливому». Отстаивая высшую правду естественного порядка и хода бытия, И. продолжает развивать затронутую еще в «Седьмом берегу» тему мучительных альтернатив революционного времени: «рассудок — чувство», «ненависть — любовь», «жестокость — милосердие», «насилие — человечность». Он активно включается в острую дискуссию о человеке и революции, начатую советской лит-рой 1920-х. Его Никитин из «**Цветных ветров**», в прошлом «питерский большак», а в годы Гражданской войны партизанский главарь, аскетичен, строг к себе и людям и считает классовую ненависть непреложным законом Гражданской войны: «Воевать надо! Буржуев бить надо!» Но И. не полагается на такую идею, рисует своего Никитина и как «гильотину» революции, и как ее несчастную «жертву» (А. Воронский). Человек, обделенный радостью полнокровного ощущения мира, выглядит не только ущербным, но и одиноким среди людей. Антипод Никитина — доморощенный деревенский философ Калистрат, убежденный в том, что человеческое счастье невозможно построить на иссушающей душу ненависти: «Любовь надо для люду. Без любви не проживут... Без любви вечно воевать будут. Нельзя так» (С. Т. 1. С. 249). Повесть «Цветные ветра» приносит И. оглушительный успех, ее считают «лучшей и у автора, и среди всей современной беллетристики вещь» (Асеев Н. [Рец.: «Цветные ветра», «Лога»] // Печать и революция. 1922. № 7. С. 311). Худож. новации «партизанских повестей», их самобытность приветствуют мн. видные писатели (М. Горький, К. Федин, Л. Сейфуллина, Д. Фурманов, В. Зазубрин). Но находят у И. и принципиальные противники, которые предъявляют писателю далеко не безопасный по тем временам упрек в отсутствии «полити-

ческой почвы» под ногами партизан (Яковенко К. Партизанское движение и худож. лит-ра // Известия. 1924. 3 авг.; и др.). В защиту выступает Л. Рейснер со статьей «Против литературного бандитизма» (1926). Во многом было необычно для автора «экзотических рассказов» и повестей о партизанском движении его новое произведение **«Похищение Будды»** (1923). Здесь действие перемещается из Сибири в послереволюционный Петроград. Меняется и общий характер повествовательной ткани, в которой острая детективная фабулы соединяется с элементами психологического анализа. Новым для И. становится и обращение к жанру романа. Его **«Голубые пески»** (1923) получают высокую оценку М. Горького, считающего, что книга эта «дает очень яркую и широкую картину Гражданской войны в Сибири и проникнута объективизмом художника» (М. Горький и сов. писатели: Неизданная переписка // Лит. наследство. М., 1963. Т. 70. С. 563). Автор романа существенно корректирует свои прежние представления об активных революционерах, командирах Гражданской войны. Теперь с такими персонажами, как Никитин из «Цветных ветров», он связывает только разрушительные задачи революции, тогда как ее творческие, созидательные устремления возглавляют у него такие, как «красный командир» Василий Запус — человек неординарный, наделенный и ясным умом, и крутой волей к победе, и горячим сердцем. Запус нарисован как «свой» в окружении беззлобных лесных тварей, среди пахучих луговых трав.

В 1924 И. переезжает в Москву, где сближается со столичной худож. интеллигенцией, испытывая «пьянящее чувство счастья» от встречи «почти со всей молодой, но уже великой советской литературой» (Сс. Т. 1. С. 11). В его творчестве наступает новый период, отмеченный почти полным разрывом с «пышными» изобразительными средствами. Он дерзко испытывает себя и в новых темах, и в новых стилевых направлениях. Как и раньше, много внимания уделяется жанру повести, хотя и здесь происходят изменения. В полуфантастической повести **«Чудесные похождения портного Фокина»** (1924) с неожиданно ироничной интонацией развивается излюбленный мотив «странничества», «правдоискательства». Повестью **«Хабу»** (1925) открывается новая для писателя тема мирного послереволюционного строительства, борьбы с мешанством, что послужит началом череды произведений того же содержания (**«Особняк»**, 1928; **«Кожевенный заводчик М. Д. Лобанов»**, 1929, и др.).

В повести **«Бегствующий остров»** (1926) подвергается переосмыслению и даже снижению образ легендарного Василия Запуса из «Голубых песков». Но главной заботой И. становится новеллистика. В середине 1920-х выходит серия его сб. с рассказами разных лет (**«Экзотические рассказы»**, 1925; **«Гафир и Мариам»** и **«Пустыня Тууб-Коя»**, 1926; **«Дыхание пустыни»** и **«Тайное тайных»**, 1927). Последний сб. сразу привлекает к себе внимание лит. общественности. Критики, одобрительно встретившие его, находят, что «автор переживает полосу глубокого творческого перелома» (Смирнов Ник. [Рец.: Вс. Иванов. «Тайное тайных»] // Новый мир. 1927. № 8. С. 198). Свою авторскую программу И. представит так: «Надо видеть человека и уметь разрушать тайны сердца, делая из тайного явное» (Сс. Т. 1. С. 111). Этот обострившийся в писателе-романтике, жанристе интерес к сокровенному миру вчерашних участников революции предопределяет не только содержание, но и форму рассказов, которые утрачивают радужность красок, живописную «орнаментальность» описаний, становятся лаконичней, строже по стилю, психологичней. Рассказы «Тайного тайных» близки к классической новелле; они привлекают, прежде всего, страстным утверждением могущества человеческих эмоций. Предметом худож. исследования является в них человеческое подсознание, сфера трудно объяснимых инстинктов, смутных предчувствий, безотчетных побуждений. Демонстративный «биопсихологизм» вызывал раздражение у некоторых «неистовых ревнителей» лит. стандарта, послужил поводом для обвинения автора в «ненужном» следовании Фрейдю, Бергсону, в «иррациональном подходе к человеку» (Фадеев А. Столбовая дорога пролетарской литературы. М., 1929. С. 111).

1930-е оборачиваются для И. едва ли не самым тяжелым этапом творческого пути. Вместе с др. писателями своего поколения он энергично ищет контакта с современностью, ездит по стране, посещает знаменитые стройки Туркестана. Однако написанные под впечатлением этих поездок произведения (**«Путешествие в страну, которой еще нет»**, **«Повесть бригадира М. Н. Синицына, рассказанная им в дни первой пятилетки»**, 1930) малооригинальны, в них больше патетики, чем глубины. По-другому складывается судьба большого автобиографического романа **«Похождения факира»**; здесь художник погружается в хорошо знакомое ему прошлое — «жизнь юноши века

с его страданиями, радостями и надеждами в обстановке провинциального быта Сибири и Казахстана» (Сс. Т. 1. С. 111). Талант И. словно бы оживает, вновь загораются яркие краски пейзажей, человеческие характеры раскрываются в загадочной непредсказуемости. Но роман не стал все же большой удачей писателя, оказался перегружен материалом, многословен. Автор оставляет работу над ним практически на середине, напечатав лишь три из задуманных первоначально пяти частей. Примечательно, что более поздняя, уже в 1950-е попытка доработать его оказывается безуспешной, разрушалась атмосфера «прекрасной, глубокой искренности», которая восхитила М. Горького в раннем варианте. Создается впечатление, что крупная эпическая форма вообще чужда таланту И. Написанный им совместно с В. Шкловским роман «Иприт» (1925) вызывает у него самого чувство стыда, такова же участь и романа «Северосталь» (1925). Однако трудности с написанием романов объясняются не только особенностями авторского дарования. Неблагоприятную роль играет лит. ситуация в стране, год от года увеличивающая недоверие к инакомыслию, которое в романной форме становится по-особому заметным и уязвимым. На рубеже 1920–30-х И. создает два многоплановых сатирико-философских романа: «Кремль» (1930) и «У» (1935), в которых касается таких актуальных проблем, как жизнь отдельного человека в обществе в целом, отношение к национальной истории и вере, борьба между «новым» и «старым» в быту, в сознании людей.

Роман «Кремль» воссоздает захолустный городок, где есть старинный кремль, за стенами его — храм, монастырь, где течет по своим законам церковная жизнь. Но кремль окружен рабочим поселком, в котором тоже своя жизнь. Между этими двумя чуждыми друг другу мирами разгорается ожесточенная ссора. И. рисовал грустную драму человеческих отношений. Тексты «Кремля» и «У» содержат много намеков на глубокий драматизм противоречий советской действительности. Они пронизаны мыслью о нерушимости духовных ценностей народа как основы его благополучия. Действие романа «У» разворачивается на фоне картины разрушения в Москве храма Христа Спасителя, и торжествующее безверие трактуется как синоним крайнего цинизма и аморальности существующего общественного строя. Крамольность содержания поддерживается своеобразным, «вольным», «игровым» стилем повествования, по-своему восстающим против унифицированного кон-

формизма в искусстве. Уже в неожиданном названии романа писатель передавал игру смыслов, значение: «У» (начертание буквы) предстает одновременно как «звук, и буква, и знак, и междометие, и математический символ». Герои романов «живут по законам карнавала, спектакля, игры, в которых человек получает полную свободу от официальных догм и столь необходимую власть над реальностью» (Черняк М. А. Романы В. С. Иванова «Кремль» и «У» в творческой эволюции писателя. СПб., 1994. С. 10). Неудивительно, что автору удается опубликовать лишь небольшие отрывки из романа «У», который смог увидеть свет в полном составе лишь полвека спустя, в конце 1980-х — начале 1990-х. Стремясь обрести доступ к читателю, И. пишет вполне благонамеренный роман «Пархоменко» (1939), где демонстрирует и неподдельный интерес к личности легендарного комдива, и необходимое владение историческими документами. Критика приветствует это произведение как победу писателя над самим собой, над своими «ошибками». Однако худож. сторона романа слаба, иллюстративна, лишена неповторимости авторского письма.

Во время Великой Отечественной войны и в последующие годы И. по-прежнему отдает много сил лит., публицистической деятельности, хотя результаты ее далеко не равноценны. Писатель проявляет искренний интерес к душевному состоянию сражающегося народа, в особенности к переживаниям тех, кому довелось испытать горечь первых поражений («К своим», 1941). Однако непосредственно военная тема не становится для И. успешной. И роман «Проспект Ильича» (1941–42), и повесть «На Бородинском поле» (1943) страдают иллюстративностью. Ложный пафос, «культовые» настроения вредят роману «При взятии Берлина» (1945–46). Успех ожидает писателя на другом направлении творческих поисков. И. с головой погружается в работу над «фантастическим циклом», куда помимо рассказов входит роман «Эдесская святыня» (1944). Примыкающий к «фантастическому циклу» незаконченный авантюрно-сатирический роман «Сокровища Александра Македонского» тоже обещал стать значительным лит. явлением. Увлечение «фантастикой» не мешает И. писать путевые очерки разных лет («В чудесной Ферганской долине», 1949; «По родным местам», 1952). Об интересных опытах с реализмом говорит и одно из последних произведений писателя под названием «Хмель, или Навстречу

осенним птицам» (1962), поэтично восславляющее «блистающий и заздравный хмель жизни». В 1962 И. завершает работу над автобиографическим романом **«Художник»**, задуманным еще в 1949 (первоначальное название — «Поэт»), роман был опубликован посмертно — в 1966. Примыкают к роману «Художник» и лит. мемуары И. **«История моих книг»** (1958–62).

И. уходит из жизни, не успев до конца реализовать высокий творческий потенциал своего беспокойного таланта. Остаются недописанными начатые книги, невоплощенными замыслы новых. Драматизм судьбы литератора усугубляется еще и тем, что некоторым его произведениям удастся увидеть свет лишь после кончины автора, а варианты других до сих пор остаются достоянием архивистов.

Соч.: СС: в 8 т. / подгот. текста, комм. Е. Краснощечковой; вступ. статья Л. Гладковской. М., 1979; Избранные произведения: в 2 т. / подгот. текста Т. В. Ивановой; вступ. статья В. Шкловского. М., 1985; Пьесы / вступ. статья П. Маркова; комм. Е. Цейтлина. М., 1979; Кремль. У.: романы. М., 1990.

Лит.: Зайцев Н. В. Драматургия Всеволода Иванова. М., 1963; Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников: сб. 2-е изд., доп. М., 1975; Краснощечкова Е. А. Худож. мир Всеволода Иванова. М., 1980; Иванов А. Д. Всеволод Иванов: Лит. портрет. М., 1982; Минокин М. В. Всеволод Иванов и советская лит-ра 20-х годов: уч. пособие. М., 1987; Воронский А. К. Искусство видеть мир: Портреты, статьи. М., 1987. С. 200–222; Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала: Очерки. М., С. 3–247; Гладковская Л. А. Жизнелюбивый талант: Творческий путь Вс. Иванова. Л., 1988.

В. В. Бузник

ИВАНОВ Всеволод Никанорович [7(19).11.1888, г. Волковыск Гродненской губ.— 9.12.1971, Хабаровск] — прозаик, поэт, публицист.

Сын учителя рисунка и живописи в уездной гимназии. В 1896 семья переселилась в г. Ржев Тверской губ., в 1897 — в Кострому. Образование получил в костромской гимназии, по окончании которой в 1906 поступил на историко-филол. ф-т Санкт-Петербургского ун-та, где специализировался в области философии, истории и диалектической логики. Испытал увлечение неокантианством; на летние семестры, а также после окончания ун-та отправлялся во Фрейбургский и Гейдельбергский ун-ты, где слушал лекции В. Виндельбанда и Г. Риккерта.

В 1912 И. вступил вольноопределяющимся в 18-й пехотный полк, стоявший в Тамбове.

Прапорщиком запаса возвратился в Санкт-Петербург для продолжения науч. работы. После начала Первой мировой войны был призван в армию; служил в Вятке, затем был командирован в действующую армию в должности командира роты. Первый лит. труд — **«Наставление для борьбы за укрепленную полосу»** (1916). Первый беллетристический опыт — цикл рассказов **«Любовь и служба Касьянова»** (1916–19), носящих дневниково-автобиографический характер. Начало публицистической деятельности (преимущественно очерки из военной жизни) — в либеральных газ. периода Февральской революции. После Октябрьского переворота по поручению Уралсовета вместе с петроградскими матросами в дек. 1917 подавлял в Перми народные волнения. В янв. 1918 И. демобилизовался и стал ассистентом кафедры философии права Пермского отделения Петроградского ун-та. Спустя полгода после освобождения Перми от большевиков Сибирской армией в июне 1919 он был приглашен Н. В. Устряловым работать в Русское бюро печати — официальное информационное агенство Омского правительства; затем И. был назначен редактором «Нашей газеты». Пользовался расположением верховного правителя — А. В. Колчака, с которым неоднократно беседовал на занимавшую обоим тему русского мессианизма. И. был одним из первых биографов А. В. Колчака (**В гражданской войне: Из записок омского журналиста**. Харбин, 1921). Отсутствие какой-либо законченной идеологической доктрины И. считал основной неудачей Белого движения. Резкость антибольшевистской публицистики И. была такова, что по занятии Омска Красной Армией его специально искали для расправы; жертвой большевиков едва не стал его тезка — В. В. Иванов.

Гражданскую войну И. рассматривал как повторяющийся в России вариант Пугачевщины; в генерале Г. М. Семенове И. видел въеве совр. Пугачева. Весной 1920 И. работал во владивостокском «Слове», а летом 1920 совершил поездку в Харбин, где сотрудничал в «Заре». В 1920–21 И. пытался создать Дальневосточное информационное телеграфное агенство, основной задачей которого являлась бы координация действий семеновского правительства и администрации КВЖД, т. е. всей неподвластной большевикам территории русского Дальнего Востока. По приглашению фактического главы Дальневосточной республики Н. Д. Меркулова И. возвратился во Владивосток, где сотрудничал в «Слове», а затем издавал и редактировал